

Галина Щербакова

Женщина из прошлого

На похоронах подруги к ней подошла женщина и тихо спросила, не знает ли она, где у них, у крематорщиков, туалет. И я не знала и, честно говоря, тоже была этим слегка озабочена.

Женщина тут же исчезла, но скоро снова встала рядом и сказала, что туалет нашла, но он закрыт. Нет воды. Видимо, Ия засмеялась нервно и громко — на нее обернулись. Все-таки крематорий.

— Придется подождать, — сказала Ия женщине. — Тут ехать недалеко.

Но ведь она даже не знала, к кому из покойников пришла женщина, — а сказала, ехать недалеко. Но... что-то... что-то в лице подошедшей, в сдвинутом ее плече, а главное, в этих удлинённых прижатых ушах говорило Ие, что она ее знает, просто в суете жизни забыла, а вот та ее не забыла, потому и подошла именно к ней с интимным вопросом.

К этому времени — Ия это уже отметила — забылись многие, зато немногие так внедрились в память, что ничем их оттуда не выковыряешь, такие вечные стигматы. И еще были бы они — внедрившиеся — чем-то родственны или там не родственны, нет же! Чужие и посторонние...

Потом они ехали в дом покойной подруги, а

приехав, дружно встали в очередь в туалет. Двери на площадке все нараспашку, соседка увидела «хвост» и тихо, чтобы не все слышали, предложила стоящим в конце воспользоваться их услугами. Но Ию как раз привлекли к выносу кутьи, потом все закрутилось, завертелось, и она потеряла из виду ту, о которой не могла даже сказать с уверенностью, что она «из наших похорон».

Назад домой Ия ехала в метро со знакомой учительницей, та жаловалась на время, избитая тема Ию раздражала, даже гневилась, мол, как она может бормотать про какие-то глупости жизни, когда мы только-только столкнулись с самой матушкой-смертью, у которой уж точно без глупостей, ибо вообще без ничего, и тут выбирай — или глупость жизни в живом времени, или уж без глупости, но и без всего остального тоже. Вот этого метро, дороги, разговора, вкуса кутьи и водки, запаха табака. Да мало ли... Это Ия как бы отвечала своей попутчице, а на самом деле сидела молча и раздражалась. Интересно, если бы она ехала одна, если бы ее не перевернули всю глупости знакомой, могла бы она повести себя иначе в той ситуации, что ждала ее через двадцать минут вот этого самого живого человеческого времени?

Дома же Ия застала грех. Потом выяснилось, что Николай — муж — то ли по слепоте, то ли по невнимательности спутал время. Двенадцать часов

— время кремации — у него превратились в два. От этого он стал считать и прихода Ии в пять часов никак не ожидал — он ожидал ее в семь.

Некая неизвестная Ие баба сидела с ногами на ее диване, в ее халате и пила кофе из ее чашки. Ну, прямо сюжет по медвежьей сказке. Николай побледнел так, что она подумала: сейчас умрет, и это будет самая справедливая смерть в мире. Она же — «баба» — так спокойненько и по-хозяйски спустила с дивана ножки, что Ия ощутила привычность этого движения: ишь, как мигом нашли ее лапы Иины тапки. А она ведь последнее время все не понимала непривычного запаха своих вещей и даже хорошо пугала себя прочитанным знанием, что изменившаяся секреция — запах там или его количество — может свидетельствовать о каком-нибудь набирающем силу заболевании. Ей и в башку не могло влезть, что просто в ее вещах потела чужая женщина.

Момент исчезновения «бабы» из квартиры прошел мимо Ии. Видимо, на сколько-то минут она умерла. В коридоре шло какое-то безмолвное шелестение, это она слышала с того света. Стукнула дверь, Николай вернулся, сел на диван — дурак дураком — и заговорил. Надо сказать, что Иино умершее сознание на момент его усаживания на диван уже вернулось к ней и бросило свой утешающе-спасительный круг, на котором и было

написано, что он с корабля по имени «Дурак дураком». Сокращенно «Д.Д.».

«Из меня вес вынесли. Я стояла пустая, гудела, сквозила своей пустотой, я чувствовала хрупкость оболочки, которая может не выдержать давления пустоты и лопнет с громким писком». Вот так красиво складывались в Ие слова.

Николай же сидел молча, каменя в новом образе, они как бы являли собой разности стихий — земли и воздуха, что соответствовало правде их гороскопов, только наоборот. Ия, Козерог, была в этот момент легка и воздушна и могла (если не лопнет) лететь к «едрене фене», он же, Близнец, становился на глазах жены памятником самому себе, и его вполне можно было уже закапывать по грудь.

Теперь Ия вернулась из смерти и разложила эту историю у себя на столе, и, как полагается исследователю, смотрела на нее через разнообразные стеклышки, капая попеременно в действующих лиц контрастным веществом для более полного вычленения и препарации. Она понимала ситуацию так: они оба, и она, и «Д.Д.», оба ждут какого-нибудь звука, голоса. Она, чтобы с громким треском лопнуть, а у Николая тогда завершится процесс каменения, и она на самом деле поставит его на его могилу.

Голос первой подала Ия.